

МОРФОНОЛОГИЯ КАК ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ МОРФЕМИКА

Мукимова Гуландон Ахатовна

г.Бухара

Бухарский государственный университет

Muqimovagulandon0622@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются чередования при суффиксальном способе словообразования, чередования на границах корня (или основы) и суффикса в морфонологии. Наблюдаются изменения присоединению суффикса к основе, вызывающая так называемую регрессивную ассимиляцию по разным признакам. Рассматриваются чередования, обусловленные современными закономерностями звукового строя и орфоэпическими нормами, называются живыми, фонетическими и позиционными.

Ключевые слова: морфонологические таблицы, алломорфемы, морфонология, суффикс, чередования, звук, орфоэпия, корень.

В современных морфонологических исследованиях дается, как правило, чисто формальная интерпретация этих морфонологических явлений. Характерным проявлением такого описания являются морфонологические таблицы и таблицы позиционных изменений звуков. В таблицах позиционных изменений звуков в левой вертикальной графе дается перечень гласных звуков, в правой горизонтальной графе - перечень позиций /"начало слова", "после заднеязычных", "после мягких", "в открытом слоге" и т.д./, а клетки звуковых соответствий заполняются альтернатами /"Русская грамматика", 1980 с.24-27/. Аналогично представлен материал и в таблицах морфонологических, только здесь в левой вертикальной графе дается перечень корневых алломорфем, а в правой горизонтальной - перечень соответствующих им служебных морфем /Чурганова, 117,140; Ильина,44,131 и след./. Такое описание необходимо, поскольку оно дает исчерпывающую информацию о формальном окружении /дистрибуции/ корневой алломорфемы. Однако при таком описании остается

нераскрытоей содержательная информативность чередования в корне. Остается открытым вопрос, может или не может то или иное чередование в корне нести какую-либо информацию для адресата о каких-то, пока еще предстоящих, изменениях в плане своего содержания, которые окончательно прояснятся только после присоединения служебных морфем, может или не может оно заключать в себе какую-либо "опережающую" /т.е. до полной оформленности деривата/ информацию о "будущем" плане содержания деривата, и если может, то каков характер этой информации. При формальной интерпретации исследователь, давая перечень служебных морфем, соответствующий какой-либо корневой алломорфеме, не придает значения с одной стороны—фактам морфемной синонимии /в русском языке, например, значение предметности гложет быть выражено при участии суффиксов -0, -КА, -ЕНИЕ, -ЕЦ, -ИТЕЛЬ, -ЧИК и др./, с другой стороны - фактам морфемной омонимии /в русском языке нулевой суффикс может участвовать в выражении значения признаковости - "сух-^" и предметности - "сушь-jzf"/. Конечно, целью таких формальных исследований являлась не семантическая интерпретация чередований, а выяснение отношений между звучанием и письмом, выведение орфоэпических правил.

В русском языке в зависимости от контекста или от частей речи встречаются суффиксы-омонимы, которые ничем не отличаются в звуковом плане. Эти суффиксы совпадают по форме, но различны только по значению. Как правило, они ведут себя в отношении чередования одинаково, т.е. вызывают одни и те же чередования. Ср. производные с суффиксом -ин(а) от основ на заднеязычные, имеющие значения: а) увеличительности; б) единичности; в) вида мяса. Например:

- а) волк —волч-ина, бульдог —бульдож-ина;
- б) урюк —урюч-ина, горох —го-рош-ина, жемчуг —жемчуж-ина;
- в) белуга —белуж-ина, севрюга —севрюж-ина, собака —собач-ина.

Во всех образованиях, независимо от того, каково значение производных, обнаруживаются одни и те же чередования: г/ж, к/ч, х/ш.

Таким образом, правила морфонологических чередований часто объясняются фонетическими изменениями в истории языка, которые потом утратили фонологическую обусловленность. Например, чередования к/ч, г/ж, х/ш

наблюдаются в русском языке в основном перед передними гласными; исторически именно в этой позиции и происходил переход заднеязычных в шипящие. На основании подобных примеров часто делается вывод о том, что именно такова природа всех морфонологических явлений. Значит, описание морфонологии может быть сведено к данным исторической фонетики. Однако изучение истории развития различных языков показывает, что такая трактовка упрощает реальное положение дел.

Как известно, в русском слове имеется значительное число сегментов, которые формально хорошо выделимы и похожи на аффиксы, но не выполняют привычной словоизменительной или словообразовательной функции и поэтому на фоне «нормальных» морфем выглядят аномальными и асемантичными. Ср. пароход, певец, припев, читаю, резать, сыновья, африканец, двухэтажный, земельный, охота, поиск и т.п. Основная часть таких неполнозначных сегментов находится между обычными морфемами и поэтому нередко объединяется под общим названием «интерфикс». «Незначимые» компоненты русского слова создают большие проблемы для его морфемного членения, так как выделению в качестве полноценных морфем препятствует их «асемантичность», однако и попытки присоединить их к соседним морфемам редко оказываются удачными.

Поскольку термин «внутренняя флексия» занят, рассматриваемые компоненты можно назвать «межосновными флексиями».

К этому классу морфем относятся не только явные флексии типа формантов числительных *-ёх-, -ух-, -и-*, но и соединительные гласные. Функционально они представляют собой унифицированную внутреннюю флексию. Не только функциональную, но и генетическую связь русских соединительных гласных с падежными флексиями указывает и эволюция, которую прошли многие русские сложные слова (ср.: *землятресение*, *землитрясение* > *землетрясение*, *уманастроение* > *умонастроение*, *челомбитная* > *челобитная* и пр.). Русские соединительные гласные безударны, однофонемны и подчиняются твердости/мягкости предшествующего согласного, т.е. по форме они близки к безударным вариантам многих флексий существительных. Поэтому замена реальной флексии на соединительную гласную – это часто чисто орфографический акт, так как при произношении нормальная и «внутренняя»

флексия совпадают (ср.: дерева обработка и деревообработка). В отдельных случаях орфография, однако, ведет себя непоследовательно, сохраняя флексию мотивирующего словосочетания в полном, не унифицированном виде и усиливая, таким образом, связь с этим словосочетанием (ср.: умопомрачительный, но умалишенный, сумасшедший и пр.)

Сопротивляются редукции и замене на соединительные гласные в межосновной позиции только флексии числительных. Вероятно, это связано с их постоянной ударностью и закрытостью – даже в составе сложных слов ударение(второстепенное) падает не на их основу, а на флексию. [6, с. 93]. Тем не менее и здесь процесс ослабления, редукции флексий в межосновной позиции представлен: он затрагивает конечную согласную, ср. двухсмысlenный>двусмысlenный; двухчленный>двучленный и пр.

Таким образом, наличие в слове «межосновной флексии» выполняет важную семантическую функцию: оно передает информацию о грамматических отношениях, связывающих компоненты мотивирующего словосочетания. Одновременно соединяющие основы компоненты несут информацию еще одного типа: они служат сигналом того, что первый компонент слова грамматически оформлен, а значит, выступает в полном, а не сокращенном виде.

Тем самым соединительные гласные помогают отличить разные способы словообразования – порождение новой номинативной единицы на базе словосочетания и простую компрессию готового словосочетания(ср., например, разницу между лес(о)воз и лес||хоз).

Самостоятельность рассматриваемых компонентов настолько очевидна, что делающиеся иногда попытки присоединить их к корню не находят поддержки. Соединительные гласные рассматриваются большинством лингвистов как отдельный тип морфем и не включаются в состав ни одного из соединяемых компонентов. [3, с. 87]

С функциональной точки зрения, однако, их можно включать, на правах самостоятельного грамматического элемента, в первую основу, которую они грамматически оформляют. В этом случае мы получим следующее вполне соответствующее языковому чутью членение: пар-о+ход||0, нов-о+стро(j)||к|а.

Игнорировать «незначимые» компоненты, не выделять их в составе русского слова невозможно, поскольку носитель языка их видит и их субморфная самостоятельность не вызывает никакого сомнения. Есть достаточно оснований и для сохранения за рассмотренными их типами самостоятельного морфемного статуса. Это ни в коей мере не означает, что в русском слове есть «пустые» морфемы. «Пустоты» в нем образуются только в одном случае – когда мы ограничиваем функции русских аффиксов двумя главными – словообразовательной и словоизменительной. Если же признать, что в русском слове есть вспомогательные морфемные единицы, обслуживающие непосредственно основу и формант, то «избыточных» морфемных компонентов не остается.

К числу таких вспомогательных единиц можно отнести консонизаторы – средства соединения открытой основы с поконсонантными формантами; межосновные флексии – средства грамматической связи основ в составе сложного слова, грамматические категоризаторы непроизводных основ(прежде всего глагольные темы), а также начальные части составных формантов, вносящие свой вклад в выражение словообразовательного значения.

Морфонология актуальна и для письменной формы языка. Морфонологический принцип признается ведущим в русском письме, так как сохраняет единое написание морфемы, независимо от ее произношения в конкретных словоформах.

Отсюда – проблема соотношения звучащего и написанного облика морфем.

Трудности иностранных студентов в усвоении письменной и устной формы русских морфем очевидны, как и трудности русских школьников в орфографии.

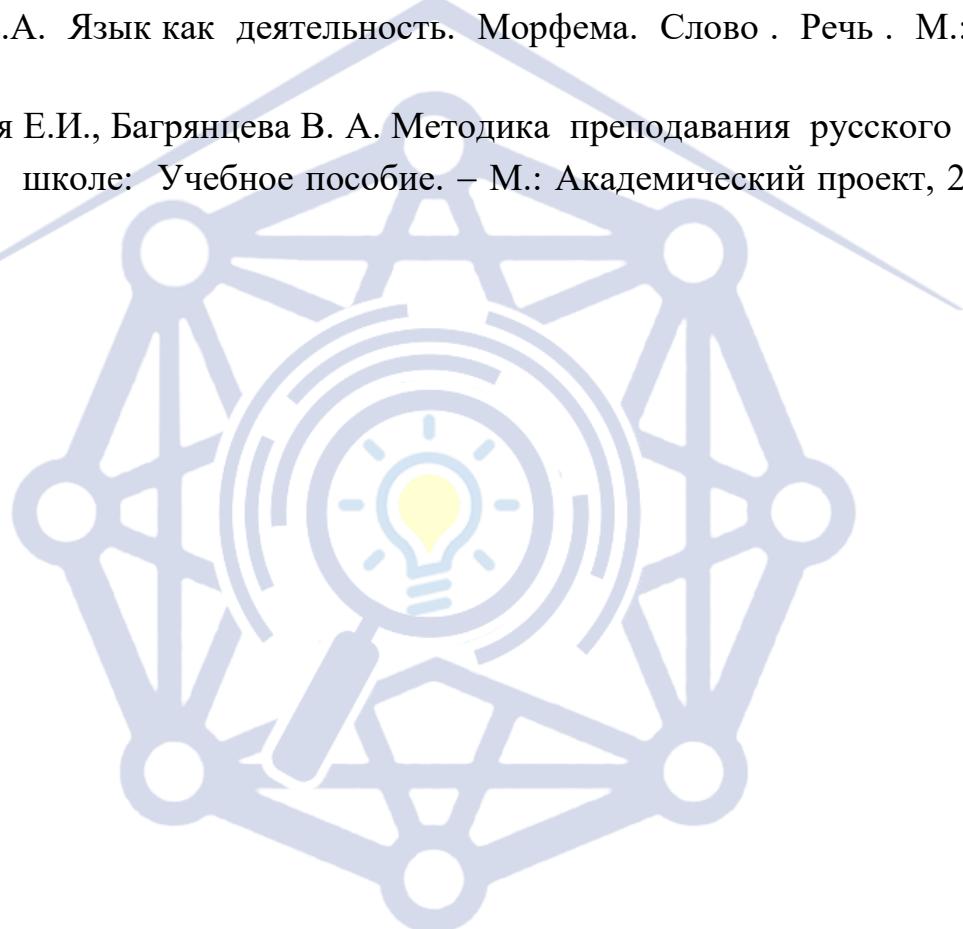
Таким образом, явления морфонологии должны учитываться в преподавании русского языка и русского как иностранного в разных видах речевой деятельности: в чтении, говорении, аудировании и на письме.

Литература

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963.

3. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
4. Диуф Алиу. Морфонология русских префиксов и суффиксов: автореф. - М., 2011. - 22 с.
5. Диуф Алиу. Морфонологические чередования при суффиксальном словообразовании в обучении РКИ.- М., РУДН.Русский язык №1, 2011.
6. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб.пособие. - 3-е изд., испр. и доп. - М. : Флинта: Наука, 2016. - 328 с.
7. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово . Речь . М.: ЯСК, 2004.
8. Литневская Е.И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие. – М.: Академический проект, 2006. – 590 с.

**Research Science and
Innovation House**